

Виталий Бушуев:

Без фантазии будем сидеть в болоте

Постоянные изменения на глобальном нефтегазовом рынке, неустойчивая динамика цен на углеводородное сырье не отменяют необходимости долгосрочного планирования развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Но из каких предпосылок должно исходить такое планирование? Надо ли ставить перед собой только реальные задачи, достижение которых возможно в обозримой перспективе? Или следует заглядывать в послезавтрашний день, ориентироваться на прорывные технологии и новые методы организации производства? На эти и другие темы в интервью «Нефтегазовой Вертикали» рассуждает генеральный директор Института энергетической стратегии, профессор Виталий Васильевич БУШУЕВ.

НГВ: Виталий Васильевич, вы уделяете много внимания долгосрочному прогнозированию мировой энергетики. Какие основные факторы, на ваш взгляд, будут формировать облик глобального ТЭК в период до 2050 года?

В. Бушуев: Прежде всего, надо определиться, что мы считаем энергетикой. В наш век одним из важнейших элементов энергетических систем становится информация. А завтра столь же важную роль будут играть психологические и мыслительные (интеллектуальные) факторы. Поэтому под энергетикой, в широком смысле этого слова, надо понимать все процессы, которые так или иначе связаны с развитием, движением жизни. Это и физические процессы, традиционные для индустриального уклада, и информационные процессы, которые свойственны для уже наступающего неиндустриального (или, как говорят, постиндустриального) общества.

Надо определиться, что мы считаем энергетикой. В наш век одним из важнейших элементов энергетических систем становится информация

Нельзя сегодня замыкаться только в рамках традиционной энергетики – нефть, газ, уголь и т. д. Энергетика завтрашнего дня – не столько физическая, сколько энергоинформационная, интеллектуальная система.

Если же рассматривать ТЭК исключительно в рамках уже сложившейся парадигмы, то вопрос достаточно тривиален. В ближайшие 50 лет углеводородам замены не будет. Ни термоядерный синтез, ни солнечная и ветровая генерация, ни какие-то экзотические новые источники (топливные элементы, газогидраты, приливные станции и т. п.) не смогут занять в энергетическом балансе мира достойную нишу (хотя бы 20–30%).

Но, конечно, серьезные подвижки даже в рамках этой традиционной парадигмы неизбежны.

НГВ: В чем они будут заключаться?

В. Бушуев: Прежде всего, в опережающем росте производства электроэнергии, которая является основным конечным продуктом энергетики. Она заменит в быту тепловую генерацию и газ, в транспортном секторе – моторное топливо (за счет внедрения электромобилей). Поэтому глобальный спрос на электроэнергию к середине века увеличится примерно вдвое, в то время как спрос на первичные энергоресурсы – всего на 20–30%.

При этом в секторе электроэнергетики будут происходить не только количественные, но и качественные изменения. Будет трансформироваться структура спроса на нее. Она станет все шире использоваться не только на производстве (грубо говоря, для вращения деталей станков), но и в социально-бытовой сфере. К примеру, сегодня в медицине все более активно применяются электрофизические приборы.

Да и в промышленности появляется новое поколение механизмов, требующих большого количества электроэнергии: импульсные, высокочастотные станки и т. д.

Соответственно, встает задача изменения и самой электроэнергетики. Сегодня мы по-прежнему используем трехфазные линии переменного тока, созданные еще в конце XIX века Михаилом Осиповичем Доливо-Добровольским. Но ведь потребительский сектор в основном работает на постоянном токе. Возникает вопрос: а надо ли нам производить электроэнергию в одном месте, превращать ее в трехфазный переменный ток, потом передавать ее потребителю и снова превращать в постоянный ток?

НГВ: Вы сказали, что эпоха углеводородов продлится еще как минимум 50 лет. Но достаточно ли на планете запасов нефти и газа для обеспечения растущего спроса на энергоресурсы?

В. Бушуев: На мой взгляд, биогенная теория происхождения углеводородов, согласно которой нефть является продуктом гниения биологической массы, устарела. Сегодня превалирует физическая теория, объясняющая генерацию углеводородов глубинными физическими процессами. Поэтому нефть и газ – это тоже возобновляемые источники, их образование продолжается...

Кроме того, все более важную роль будут играть нетрадиционные ресурсы углеводородов. Это и газогидраты, и матричная нефть, и масса других нетрадиционных источников. Поэтому не стоит бояться того, что нефть и газ когда-то кончатся.

НГВ: Но ведь важно не только наличие этих ресурсов в недрах, но и возможность их рентабельного извлечения. Вполне возможно, что добыча упомянутых вами категорий запасов окажется невозможной с экономической точки зрения...

В. Бушуев: Для того чтобы решить эту проблему, необходимо изменить подход к освоению полезных ископаемых. Как правило, они залегают не «поодиночке», а в виде комплексных систем: газ и нефть, газ и гелий, уголь и редкоземельные металлы и т. д. А мы пытаемся вытащить из всего этого многообразия только один какой-то привычный для нас традиционный ресурс и его использовать.

Энергетика завтрашнего дня – не столько физическая, сколько энергоинформационная, интеллектуальная система

К примеру, мы делали технико-экономическое обоснование развития Канско-Ачинского угольного бассейна (КАТЭК). Если концентрироваться только на добыче угля, то проект экономически нерентабелен. Но если рассматривать уголь как комплексный ресурс, в котором содержатся редкоземельные металлы и другие ценные элементы, то проект имеет блестящие перспективы.

Главная беда заключается в том, что мы привыкли работать по отраслевому принципу. Если компания угольная, то ее ничего кроме угля не волнует. Сколько раз мы пытались уговаривать: ребята, организуйте извлечение редкоземельных материалов из отходов угольного производства – будете в золоте купаться. «Нет, – отвечают нам. – Это слишком сложно и непривычно». То есть действует чисто психологический фактор. Аналогичные примеры можно найти и в нефтегазовом комплексе.

Глобальный спрос на электроэнергию к середине века увеличится примерно вдвое, в то время как спрос на первичные энергоресурсы – всего на 20–30%

НГВ: Для того чтобы решить подобные проблемы и создать энергетику будущего, наверное, необходимо поднять уровень анализа и прогнозирования в ТЭК на принципиально новый уровень. Есть ли необходимость в создании некоего национального «интеллектуального штаба», например, под эгидой Академии наук или Минэнерго?

В. Бушуев: Я за последние 25 лет поработал и в Академии наук, и в министерстве. Пришел к выводу, что никакой «штаб» не в состоянии выработать долгосрочную стратегию развития энергетики в широком смысле этого слова. Почему? Потому что все специалисты, которых вы соберете туда, воспитаны на отраслевом подходе. Если человек – нефтяник, то хоть кол ему на голове теши, он будет все сводить к нефти. Взглянуть чуть шире он не способен.

У меня мало надежд и на Российскую академию наук. Несколько лет назад меня пригласил к себе тогдашний президент РАН Владимир Евгеньевич Фортов и попросил: посмотри, что у нас делается в академических институтах, как можно использовать их наработки в энергетике. Спустя два года я пришел к Фортovu и доложил: никак. Вы не сможете научить мыслить по-новому человека, который всю жизнь посвятил, условно говоря, расчету зависимости КПД от какого-то одного параметра. Он не в состоянии посмотреть на вещи шире.

Поэтому требуются специалисты нового поколения. Но их невозможно вырастить в отдельном институте или организации. Даже если вы соберете под одной крышей самых гениальных молодых людей, из них через пять минут получится традиционная научная школа под руководством своего «гуру». И они будут повторять то, что им сказал начальник.

Нужна, как модно сейчас говорить, сетевая структура научного сообщества, которая должна сформировать целевое видение нового облика энергетики. Это позволит учесть различные мнения и избежать подхода «кто начальник, тот и прав». А сформулировать задачу для этого сетевого научного сообщества обязано государство.

НГВ: Почему именно государство, а не бизнес? В конце концов, в последние годы главным возмутителем спокойствия в глобальной энергетике является бизнесмен Илон Маск, а не какие-то государственные институты... Может быть, и нам следует отказаться от ключевой роли государства в ТЭК?

В. Бушуев: Бизнес и государство – взаимосвязанные системы. И говорить отдайте все либо государству, либо бизнесу неправильно. Должно быть сочетание интересов того и другого.

Рынок хорошо отрабатывает флуктуации, то есть небольшие отклонения от какой-то сложившейся парадигмы. Но он никогда не даст вам каких-то сногшибательных новых решений. Тот же Маск, по сути, ничего нового не сделал. Да, он привлек общественное внимание к проблемам новой энергетики. Но, по моему мнению, это не настоящий бизнес. В обозримом будущем он не принесет прибыли. Скорее, это реализация каких-то личностных интересов и устремлений отдельно взятого бизнесмена. То есть это исключение, а не правило...

Только государство может формулировать перспективы развития общества и энергетики на длительную перспективу. Бизнес дальше чем на 15–20 лет вперед не заглядывает.

Обратите внимание – на недавнем съезде ЦК Компартии Китая была принята программа до 2050 года! Разве способен бизнес подготовить такую долгосрочную программу? Китай, сохранивший целевое государственное планирование и в то же время использующий рыночные инструменты для достижения поставленных целей, – это очень хороший пример для подражания.

У нас же государство уже давно не формулирует долгосрочные задачи, поэтому мы все больше и больше отстаем. Проспали сланцевую революцию, развитие интеллектуальных сетей, блокчейна и т. д. В лучшем случае мы видим что-то на Западе и пытаемся перенести это на российскую почву. А нужно прорываться вперед, стремиться стать лидером в различных сферах новой экономики.

Все более важную роль будут играть нетрадиционные ресурсы углеводородов. Это и газогидраты, и матричная нефть, и масса других нетрадиционных источников

К примеру, я еще пять-семь лет назад, когда решался вопрос о модернизации «АвтоВАЗа», предлагал сразу наладить там массовое производство отечественных электромобилей. Но побоялись. Мол, неизвестно, будут ли пользоваться электромобили спросом. В результате начали выпуск традиционных автомобилей. И что? «АвтоВАЗ» сравнялся сегодня с мировыми автогигантами? Нет, конечно. Догоняющий путь развития никогда никого не выводил в лидеры.

Кстати, те же китайцы быстро это поняли. И они от иностранных «догоняющих» технологий переходят на собственные, прорывные. Уже поставлена цель: к 2025 году 20% всех автомобилей будут иметь электрические двигатели. Это решение не бизнеса, а именно государства. И не сомневаюсь, что оно будет выполнено.

НГВ: *Вы являлись одним из разработчиков проекта Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года (ЭС-2035). Какова, на ваш взгляд, должна быть роль этого документа в процессе управления и регулирования отечественной энергетикой в целом и нефтегазового комплекса в частности?*

В. Бушуев: Задача этого документа – сформулировать реальные цели развития ТЭК, не выходя за рамки классического представления об организации бизнеса и о технологиях. Поскольку временные рамки стратегии ограничены 2035 годом, в ней невозможно отразить технологии послезавтрашнего дня.

Нужна сетевая структура научного сообщества, которая должна сформировать целевое видение нового облика энергетики

Получается замкнутый круг. Если до 2035 года мы не успеем внедрить новые прорывные технологии, то и упоминать о них в ЭС-2035 не надо. А если они не упоминаются в документе, то можно не заботиться об их разработке и внедрении. А зачем тогда нужна стратегия? Только чтобы считать балансы и прогнозировать уровни добычи нефти и газа?

НГВ: *Почему так долго не могут принять обновленный вариант ЭС-2035? Имеются какие-то тактические расхождения между заинтересованными сторонами или документу пытаются придать новое стратегическое наполнение?*

В. Бушуев: От стратегического наполнения этого документа уже давно все отказались. Более того, чиновники выхолостили проект, подготовленный разработчиками.

Над проектом ЭС-2035 работали около 50 экспертов примерно из 20 организаций. У каждого из них было свое мнение, но в итоге нам удалось выработать согласованный документ. На мой взгляд, в случае принятия он мог бы задать четкие ориентиры для развития ТЭК и повседневной деятельности компаний отрасли.

Проект был сдан министерству в августе 2015 года. После этого чиновники вооружились ножницами и вырезали из него всю суть, оставив несколько тривиальных лозунгов. Я отказался подписывать такой документ. Видимо, он не вызвал особого энтузиазма и в правительстве, и его положили под сукно.

Нам, разработчикам ЭС-2035, стало обидно, и мы в 2016 году выпустили монографию «Энергетика России:

постстратегический взгляд на 50 лет вперед», где содержатся кое-какие долгосрочные прогнозы. Например, оценка перспектив газогидратной революции. По нашему мнению, она окажет на мировой рынок еще более сильное влияние, чем сланцевая.

Мы старались не приводить в этой работе никаких цифр, а только обозначали направления развития энергетики. Некоторые читатели заявили: это фантазии. Но без фантазии вы будете сидеть в своем болоте до конца дней. Правда, пока не понятно, как соединить фантазии с прагматизмом, необходимым для решения текущих вопросов.

НГВ: *Но ведь задержка с принятием ЭС-2035 связана и с объективными внешними факторами? Ведь сейчас ситуация и в отечественной экономике, и в глобальной энергетике весьма неопределенная...*

В. Бушуев: Действительно, согласно принятому в 2014 году Закону «О стратегическом планировании в РФ», сначала необходимо сформировать целевое видение развития страны, потом – ее экономики, и лишь затем можно разрабатывать отраслевые планы и стратегии. Но ни первого, ни второго пока нет. Поэтому некоторые говорят: какой смысл принимать Энергетическую стратегию, если не определена стратегическая задача развития страны?

Но ведь энергетика и экономика, а также энергетика и геополитика – это системы с обратными связями. И что здесь первично, а что вторично – сказать невозможно. Энергетика так же влияет на экономику, как экономика на энергетику. Поэтому с чего начинать, по большому счету, без разницы.

НГВ: *Какие основные развилки и дилеммы, на ваш взгляд, стоят сегодня перед российским нефтегазовым комплексом? И какие угрозы – как внутренние, так и внешние – представляют наибольшую опасность?*

В. Бушуев: Первая, самая главная развилка, – закончится ли доминирование нефти на мировом углеводородном рынке или нефтяной век будет еще долго продолжаться? Очевидно, что нефтяной бизнес сворачивается. Когда он закончится, в 2030-х или 2050-х годах, – пока не ясно, но тенденция налицо. В первую очередь это произойдет за счет появления электромобилей.

А если потребление горючего будет сокращаться, то возникнет вопрос, надо ли добывать столько нефти. Обратите внимание, как легко Саудовская Аравия пошла на снижение производства сырья. Потому что она понимает, что увеличивать добычу нет никакого смысла.

Такой сценарий был бы приемлем где-то в начале 2000-х годов, когда стремительно рос спрос на нефть со стороны Китая. Помнится, Михаил Ходорковский сделал тогда эпатажное заявление: мол, я выкачаю из недр за 15 лет все запасы ЮКОСа и продам их, потому что потом они уже будут никому не нужны. Конечно, он перегибал палку, но в целом мысль была совершенно правильной.

Но сегодня подобный подход уже невозможен, поскольку спрос на нефть не растет прежними темпами. Конечно, если предположить, что Россия станет един-

ственным поставщиком нефти на рынок КНР, то нам следует увеличивать добычу как минимум до 550, а то и до 700 млн тонн в год. Но ведь это невозможно! Конкуренция за китайских потребителей – огромная! Иран, Саудовская Аравия, Венесуэла, Ангола не уступят нам свою нишу. Появление новых крупных потребителей в других регионах также нереально. Поэтому для России опасна ориентация на наращивание объемов нефтедобычи и экспорта.

Многие нефтедобывающие страны уже осознали эту новую реальность. Та же Саудовская Аравия теперь не реинвестирует нефтяные доходы в развитие отрасли, а направляет их на строительство атомных электростанций. Там планируется производить электроэнергию, с помощью которой будет производиться электролиз морской воды. Тем самым саудиты намерены обеспечить водными ресурсами свою засушливую страну. Россия же пока никак не может использовать нефтедоллары для решения новых экономических задач.

НГВ: Как Парижское климатическое соглашение может повлиять на баланс спроса и предложения на энергоресурсы? Способна ли его реализация привести к снижению потребления углеводородного сырья и сократить эру нефти?

В. Бушуев: Верим мы или не верим в глобальное потепление, нравится нам или не нравится Парижское соглашение, – но мир уже работает по его нормам. И нам тоже придется внедрять новые технологии для сокращения вредных выбросов.

Но, на мой взгляд, выбросы – это дело десятое. Это очередная придумка – как в свое время с разрушением озонового слоя. Тогда оказалось, что громкая общественная кампания была нужна только для того, чтобы протолкнуть на рынок новые химические элементы вместо фреонов. То же самое и с CO₂.

Вместе с тем я считаю, что Парижское соглашение подталкивает нас к комплексному использованию природных ресурсов. Ведь можно научиться применять углекислый газ для производства биомассы, для выработки электроэнергии. Это могло бы стать одной из основ энергетики завтрашнего дня. А если же сводить это соглашение только к ограничению сжигания нефтяного топлива, то его лучше отправить в мусорную корзину.

НГВ: Может быть, в условиях стагнации мирового спроса на нефть имеет смысл развивать нефтехимию внутри страны?

В. Бушуев: Никакая нефтехимия по объему спроса не заменит транспортный сектор. В лучшем случае ее доля в потреблении нефти может достигнуть 15–20%.

К тому же наращивание производства нефтехимических продуктов внутри страны – это палка о двух концах. Давайте опять-таки заглянем чуть дальше завтрашнего дня. Как мы будем решать проблему утилизации использованных продуктов нефтехимии? Никто сегодня не думает об этом. Между тем загрязнение почв и вод пластиками не менее опасно, чем эмиссия углекислого газа.

НГВ: А каковы перспективы газовой отрасли?

В. Бушуев: Они лучше. Газ будет весьма востребован по меньшей мере в ближайшие 50 лет. Он является очень удобным источником для производства электроэнергии – и на больших станциях, и особенно на малых. Кста-ти говоря, малая децентрализованная энергетика стала развиваться только тогда, когда появились большие объемы газа. На угле вы малую станцию не постройте.

Только государство может формулировать перспективы развития общества и энергетики на длительную перспективу. Бизнес дальше чем на 15–20 лет вперед не заглядывает

Но здесь стоит задача не столько увеличения добычи традиционного газа, сколько рационального использования нетрадиционных газовых источников. К примеру, у нас есть огромное количество низконапорного газа, с которым не знают что делать. Была идея построить в Западной Сибири несколько мелких электростанций на компримированном газе, чтобы избавиться от необходимости передавать электроэнергию на тысячи километров. Но она так и не была реализована.

То же самое касается попутного нефтяного газа, который можно перерабатывать на ГПЗ или сжигать на электростанциях.

Но, к сожалению, здесь действует все тот же отраслевой принцип. Так, «Газпром» создал дочернее предприятие «Газпром энерго» для реализации энергетических проектов. Но оно почему-то предпочитает использовать для выработки электроэнергии традиционный газ, а не низконапорный и не попутный.

НГВ: Сегодня одна из самых актуальных задач отечественного НГК – техническое перевооружение, внедрение передовых технологий и оборудования. Какие направления технического прогресса в этой связи вы считаете наиболее важными?

В. Бушуев: В нефтегазовой отрасли наиболее востребованы технологии, связанные с повышением эффективности недропользования. Коэффициент извлечения нефти у нас сегодня составляет всего 26–28%. Это полное безобразие – огромное количество ресурсов остается в земле. Я уже не говорю о том, что мы должны извлекать из недр не только нефть, но и сопутствующие ей продукты.

Второе – это принципиально новые технологии нефтепереработки. В Советском Союзе были серьезные научные наработки в области катализа, органической химии, биоэнергетики, но никто ими не пользуется. Между тем биоэнергетика – это мощное направление перспек-

тивного развития всех углеводородных процессов. Хорошо, что мы начали с помощью биохимических методов бороться с нефтяными разливами, но их использование для получения из нефти конечного продукта – это задача завтрашнего дня, которой пока никто не занимается.

Поскольку временные рамки Энергетической стратегии ограничены 2035 годом, в ней невозможно отразить технологии послезавтрашнего дня

Актуальное направление – совершенствование систем транспортировки энергоресурсов. К примеру, почему мы заикнулись на технологиях сжижения газа и не рассматриваем возможность его поставок в виде газогидратов? Ведь в этом случае можно было бы совместить транспортировку «сухого льда» и воды, а именно вода будет завтра являться одним из самых ценных ресурсов.

Возможно, в каких-то точках целесообразно получать из газа не СПГ или «сухой лед», а... водород. Так, Япония уже имеет опыт использования водорода в транспортном секторе и промышленности. Но чтобы реализовать подобные проекты, надо еще раз подчеркнуть, отказаться от узкого отраслевого подхода.

Еще одна важная технология (возможно, напрямую не касающаяся нефтегазового комплекса) – это совершенствование накопителей энергии. Ведь сегодня в нефтяном бизнесе бал правят не производители и не потребители

ресурсов, а те, кто обладает возможностью резервировать нефть, владеет хранилищами. Когда цена низкая, они скупают сырье, когда высокая – продают. А развитие технологий хранения электроэнергии может привести к существенным изменениям на глобальном энергетическом рынке.

Важно совершенствовать технологии не только добычи и транспортировки энергоресурсов, но и торговли ими. К примеру, в нефтяной отрасли уже давно применяются своповые сделки, позволяющие реализовывать сырье в любой точке мира без физических поставок. Но надо идти дальше и развивать комплексные своповые сделки, позволяющие «обменивать» нефть на газ, электроэнергию и т. д. В свое время предлагалась интересная идея по развитию свопа в российской электроэнергетике. Ее реализация позволила бы, к примеру, покупать в Москве электроэнергию, выработанную в Красноярске, не обязательно передавая ее по проводам. Но почему-то эта идея у нас не пошла...

НГВ: Появление новых технологий потребует и новых подходов к подготовке специалистов нефтегазового комплекса.

В. Бушуев: Безусловно. Сегодня все – от ректоров до студентов – понимают, что кадры надо готовить по-новому. Современные специалисты должны не только глубоко знать конкретные технологии добычи или переработки нефти, но и очень хорошо ориентироваться в информационной среде. Ведь наступает эпоха интеллектуальной энергетики. Интеллектуальные модели сейчас начинают широко применяться и в добыче, и в транспорте нефти.

К сожалению, общего представления, чему и как учить подрастающее поколение, у нас нет. Мне недавно прислали на стажировку студента второго курса РГУ нефти и газа им. Губкина, и я поразился: он пишет статьи по интеллек-

туальным системам развития нефтегазового комплекса и сыплет терминами, которых я не знаю. Для него же это само собой разумеющиеся понятия. А мы пытаемся учить это поколение по традиционной схеме...

НГВ: *Недавно вышла в свет монография «Евразийская энергетическая цивилизация», подготовленная при вашем активном участии. В ходе обсуждения этой книги пришлось услышать и мнение о том, что никакой евразийской цивилизации на самом деле не существует. Каковы ваши аргументы в пользу того, что будущее энергетики можно рассматривать именно через призму евразийского подхода?*

В. Бушуев: Евразийская энергетика обладает тремя принципиальными чертами, отличающими ее от энергетики других регионов мира.

Во-первых, в этом регионе есть масса энергетических ресурсов, в том числе углеводородов. А также сконцентрирован огромный спрос. Поэтому вместо глобализации во всемирном масштабе и перевозки каких-то ресурсов из Америки, Африки или Австралии надо научиться интегрировать интересы производителей и потребителей на евразийском пространстве. Грубо говоря, России и Центральной Азии, с одной стороны, и Китая – с другой.

Пока мы это не очень умеем делать. Мы работаем по принципу: один продавец – один покупатель. Необходимо уйти от этого противопоставления, выработать некую совместную энергетическую евразийскую политику, ориентированную на получение конечного энергетического продукта.

В частности, следует обсудить возможности обмена активами, чтобы поставщики энергоресурсов были заинтересованы в получении конечного результата, а потребители – в развитии добывающих отраслей. Это позволило бы превратить евразийскую энергетику в одну общую связанную систему.

Во-вторых, ни одна территория мира не обладает такими пространствами. Сделать их такими же энергонасыщенными, как в Европе, – невозможно. Поэтому здесь нужна совершенно другая транспортная инфраструктура. Это должны «оазисы производства и потребления», соединенные в единое целое как потоками «физических» энергоресурсов (нефти, газа, электроэнергии), так и информационными каналами.

Примечательно, что при воссоздании Великого шелкового пути ставится задача не просто переместить товар «из пункта А в пункт Б», а сформировать сеть перерабатывающих производств вдоль «караванного пути». Аналогично тому, как благодаря Транссибу у нас развилась инфраструктура на юге Сибири.

В-третьих, крупнейшие нации Евразии возникли как некие коллективистские системы. Посмотрите: что Китай, что Россия – по сути, империи, с явным приоритетом централизованного государственного управления. Такими пространствами и ресурсами могут управлять только сильные государства. И поэтому в Евразии одна из ключевых задач – не бороться с имперским мышлением, а использовать имперские способы организации производства для развития экономики и инфраструктуры. Бизнесу это не под силу.

Вот эти три принципиальные особенности, которые, как мне кажется, отличают евразийскую энергетическую цивилизацию от всех остальных.

НГВ: *Сегодня укрепляются контакты России со странами ОПЕК. Это является каким-то случайным явлением или может стать платформой для более плотного энергетического сотрудничества – не только в сфере ограничения добычи нефти, но и в энергетике в целом?*

В. Бушуев: Извиняюсь за резкость, но интеграция с ОПЕК для совместной борьбы за повышение нефтяных цен – это утопия. Попытки таким образом повлиять на мировой энергетический рынок – заблуждение. Действительно, после того как в декабре прошлого года было достигнуто соглашение между нефтяным картелем и рядом независимых производителей нефти, цена несколько поднялась. Но это связано не с сокращением объемов поставок, а с чисто психологическими факторами. Рыночные игроки опасались, что в лице альянса России и ОПЕК появилась мощная сила, которая будет диктовать свои правила игры.

Однако в марте, когда данное соглашение было пролонгировано, это не оказало абсолютно никакого влияния на ценовой фон. Я говорил об этом министру энергетики РФ Александру Новаку: не туда вы идете. Да, политически важно дружить со всеми, в том числе с ОПЕК. Но с точки зрения влияния на конъюнктуру рынка – это бесполезно, никакого экономического эффекта не будет...

НГВ: *Тем не менее цены на нефть держатся сейчас на достаточно неплохом уровне...*

В. Бушуев: Это абсолютно не связано с ОПЕК. Общий объем поставок нефти на мировой рынок не уменьшился, поэтому никакого реального влияния на ситуацию соглашение оказать не могло. Цена на нефть определяется, в первую очередь, финансово-политическими факторами.

В мировой экономике есть свободные деньги, которые не знают, куда ринуться. А нефтяной сектор – это относительно тихая «гавань». По крайней мере, в ближайшие 20–30 лет нефтяной бизнес не прекратит свое существование. Да, он будет не столь прибыльным, как раньше. Но остается достаточно устойчивым, стабильным. Поэтому в него можно вкладывать свободные деньги.

Если же деньги найдут новое место применения – они сразу ринутся туда, и цена на нефть упадет. Хотя рынок нефтяных фьючерсов – это узкий сегмент на общем финансовом рынке, и его потребности в капиталах не столь велики. Поэтому деньги из него могут и не уйти.

Проанализировав общие циклические закономерности развития экономики и финансовых рынков, мы еще в 2003 году начали прогнозировать динамику нефтяных цен. Предсказали и ценовой всплеск 2006 года, и падение в 2014 году.

Да, соглашение с нефтяным картелем может повлиять на цены в пределах \$2–3 за баррель, но существенного воздействия на рынок оно иметь не будет. А вот понимание упомянутых закономерностей – это одна из задач стратегического развития. Все восхищенно цокают языками – как у вас хорошо получается прогнозировать. Но никто не хочет поддерживать развитие работ в этом направлении. ❗